

Социология права. Девиантное поведение

© 2019 г.

В.А. КУЗЬМЕНКОВ

КРИМИНАЛЬНАЯ АНОМИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

КУЗЬМЕНКОВ Владимир Александрович – кандидат философских наук, преподаватель кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия (vakuzmenkov@gmail.com).

Аннотация. В статье предлагается понимание криминальной аномии как одной из распространенных форм преступности в современной России. Показано, что аномия тесно связана с преступностью и давно изучается в науке. Предлагается рассматривать криминальную аномию как особую форму преступности. Приводится обзор основных криминологических исследований с целью определить социальные предпосылки, оказывающие наибольшее влияние на рост преступности. Исходя из этого, выбираются основные индикаторы криминальной аномии. На базе федеральной статистики, собранной в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС), проводится эмпирический анализ. Используются методы описательной статистики, корреляционный, кластерный и регрессионный анализ, с помощью которых определены взаимосвязи между переменными, составлена типология регионов страны по уровню преступности и установлены основные факторы преступности в России. Проведенный анализ подтвердил основную гипотезу исследования: преступность вызывают аномические явления.

Ключевые слова: аномия • кластерный анализ • наркотики • полиция • преступность • регрессионный анализ • самоубийство • статистика • убийство

DOI: 10.31857/S013216250003751-9

Постановка проблемы. В работе предлагается изучить преступность в России с точки зрения теории аномии, это позволит адаптировать социологический инструментарий для нужд права и расширит понимание аномии как комплекса социальных патологий.

Слабость или полное отсутствие нормативных регуляторов в обществе – важнейшая предпосылка преступности. Выявление социально-экономических и демографических факторов (детерминант) преступности является предметом анализа данной работы. Мы исходим из предпосылки, что общий уровень преступности может быть показателем распространенности аномии в обществе. Для того чтобы полнее прояснить сущность термина «аномия» и показать его непосредственную связь с преступностью, кратко изложим теоретическую основу исследования.

Понятие «аномия» возникло в Древней Греции и означает беззаконие, безнормие. Э. Дюркгейм обнаружил, что аномия проявляется в росте преступности и самоубийств [Дюркгейм, 1897]. Эти идеи развил Р. Мертон, по мнению которого девиантное поведение возникает тогда, когда группа или индивид не имеют возможности нормативного достижения цели или по какой-либо причине не желают ему следовать [Мертон, 2006].

В западной науке аномия как фактор преступного поведения изучается широко. Одним из современных исследований установлено: высокий уровень экономического неравенства

связан с высокими показателями убийств, особенно в странах с сильной экономикой, а отсутствие демократических свобод и низкая избирательная явка способствуют росту убийств. При этом экономический рост не снижает уровень убийств, если не связан с сокращением общественного неравенства [Bjerggaard et al., 2008: 189–190]. Общества, культивирующие идеологию достижения успеха, характеризуются более высокими уровнями безработицы и коррупции [Dolliver, 2015: 754–755]. Аномия ведет к росту инструментальных преступлений – противозаконных деяний с целью накопления богатства, тогда как все иные преступления относятся к экспрессивным [Baumer et al., 2007]. Доминирование экономики над другими институтами увеличивает количество преступлений, а инвестирование в социальные программы тормозит рост насильственных преступлений [Jensen, 2002].

Чем выше уровень образования, дохода, статус группы и престиж профессии человека, тем ниже уровень аномии, – личностной и групповой. Мужчины подвержены аномии больше женщин, равно как и индивиды с меньшим количеством детей [Lee, 1974; Ryan, 1981]. С возрастом преступность имеет тенденцию снижаться; склонность к преступлениям достигает пика в молодежном возрасте и снижается в последующие годы [Agnew, 1992]. Чем старше индивид, тем менее аномичным он становится; мужчины, несемейные и безработные имеют более сильное чувство аномии, чем женщины, семейные и работающие. Аномичным личностям также свойственны низкий уровень образования, недоверие полиции и неполная занятость [Cao et al., 2010]. Показана отрицательная зависимость между аномией и удовлетворенностью браком, т.е. счастливые супруги менее аномичны и склонны к правонарушениям [Lee, 1974]. Поддержка семьи положительно сказывается на преодолении аномии [Bjarnason, 1998], а удовлетворенность жизнью сокращает аномию [Ryan, 1981; Cao, 2007].

Норвежский экономист Э. Эйд и его американские коллеги П. Рубин и Д. Шеперд в книге по экономике преступления [Eide et al., 2006], проведя собственные исследования и обобщая наработки других ученых, пришли к ряду выводов. 1. Вероятность и размер наказания (процент арестов или средний срок тюремного заключения) оказывают отрицательный эффект на все виды преступлений, хотя некоторые ученые признают, что размер наказания не имеет существенного влияния. 2. Индикатор «доход от легальной деятельности» не может быть оценен однозначно: зачастую он оказывает значимое отрицательное влияние на показатели преступности и иногда – значимое положительное. 3. То же касается влияния высокого неравенства в доходах, в большинстве случаев оно оказывает положительное воздействие на рост преступности. 4. Рост безработицы приводит к росту преступности. 5. Плотность населения, преобладание молодежи в возрастной структуре населения и преобладание цветного населения в городах и штатах США почти всегда оказывают значимое положительное влияние на уровень преступности.

К их выводам можно добавить ряд других. Алкоголизация как аномичное явление ведет к росту домашнего насилия и бытовой агрессии. С. Марковиц установила наличие статистически значимой корреляции между уровнем насильственных преступлений и потреблением алкоголя на душу населения. На основе данных, собранных в 16 странах, она обнаружила, что высокие цены на алкоголь снижают уровень насильственных преступлений. Высокое потребление алкоголя увеличивает насилие, в том числе со смертельным исходом, при этом существует обратный направленный эффект для имущественных преступлений [Markowitz, 2000].

Современные исследования показывают неуклонный рост общего числа и тяжести преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения. Так, «за период 1989–2000 гг. наблюдалось увеличение числа зарегистрированных наркопреступлений в 10 раз, за 2001–2007 гг. – более чем в 5 раз, всего за анализируемое время (1989–2007) – в 15,9 раза...» [Готчина, 2017: 768, 770].

Сдерживающим фактором аномии может быть усиление контроля правоохранительных органов над обществом и ужесточение наказания за правонарушения. Г. Беккер на основе эконометрических расчетов установил, что вероятность и размер наказания оказывают сдерживающее влияние на преступника [Becker, 1968]. С. Левит, используя данные

по крупным городам США за 1970–1992 гг., продемонстрировал: численность полицейских уменьшает преступность [Levitt, 1997].

Говоря об аномии, нельзя пройти мимо влияния окружающей среды на поведение человека. В 1980-е гг. в США возникает теория разбитых окон. В соответствии с ней, видимые признаки преступности, антисоциального поведения и беспорядка создают городскую среду, поощряющую дальнейшие нарушения и беспорядки, в том числе серьезные преступления. Полицейская деятельность, предотвращающая мелкие преступления, помогает создать атмосферу порядка и законности, тем самым предотвращая более серьезные преступления [Kelling et al., 1982].

Мы предлагаем говорить о криминальной аномии, подразумевая под ней преступность, вызываемую социальными патологиями – наркоманией, пьянством, деградацией окружающей среды, безработицей и пр. Она несколько отлична от других форм преступности, например, ситуативной или организованной, в том смысле, что вызывается главным образом состоянием безнормия, отсутствием общественного контроля, чувством вседозволенности, невыраженностью запретов поведения, а также обусловлена неблагоприятными социальными факторами и затрагивает все слои населения.

Методика исследования. Цель этого исследования – оценка влияния аномии на рост преступности в России. Объект исследования – преступность в России начала XXI в., предмет исследования – аномические факторы преступности. Общая гипотеза: на рост преступности оказывают влияние аномические социальные явления, формирующие криминальную аномию. Частные гипотезы, которые будут проверены, касаются, прежде всего, влияния социально-экономических показателей на мотивацию человека совершать противоправные действия.

В исследовании используются данные Росстата и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) по регионам России. Они отбирались за последние четыре года (2014–2017) с вычислением средних показателей. Это было сделано, чтобы нивелировать влияние случайных статистических колебаний. Данные по кражам в Крыму взяты за 2017 г., в Севастополе – средние за 2016 и 2017 гг. в связи с отсутствием иных цифр. Используются первичные абсолютные (количественные) данные, пересчитанные на 100 тыс. чел. В качестве целевых (зависимых) переменных и аномических индикаторов (независимых переменных) используются следующие показатели: общее число преступлений, убийства, кражи, экономические преступления, самоубийства, число полицейских¹, преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, преступления, совершенные мигрантами из зарубежных стран, разводы, число безработных, процент городского населения, процент бедных, коэффициент Джини, децильный коэффициент дифференциации, плотность населения по регионам (численность населения субъекта РФ, деленная на площадь субъекта), рейтинг трезвости, положение региона в социально-экологическом индексе.

Показатель «рейтинг трезвости» используется вместо статистики потребления алкоголя, он приведен в исследовании Общественной палаты² и используется для оценки влияния алкоголизации населения на рост преступности. Рейтинг представляет собой «обратную меру», т.е. чем ниже значение, тем благополучнее ситуация в регионе. Показатель положения региона в социально-экологическом индексе рассчитывается по данным общественной организации «Зеленый патруль»³. В этом рейтинге взят только один

¹ Источник данных: Матвеев М. Где полицейскому жить хорошо // Реальное время, 2016. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/65631-analiz-chislennosti-i-zarplat-sotrudnikov-policii> (дата обращения: 04.07.2018).

² Рейтинг трезвости регионов России – 2016. Общественная палата Российской Федерации. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/rejting_trezvosti23112016_1.pdf (дата обращения: 15.07.2018).

³ Экологический рейтинг субъектов Российской Федерации. Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль». URL: http://greenpatrol.ru/sites/default/files/_ppt_1_0_0.pdf (дата обращения: 12.07.2018).

параметр – социально-экологический индекс, он используется для проверки гипотезы о влиянии беспорядка в окружающей среде на рост преступлений, при этом два других компонента эко-рейтинга (природоохранный и промышленно-экологический индексы) исключены, так как содержат ненужные в анализе данные. Этот рейтинг представляет собой «прямую меру» – чем выше значение, тем благополучнее ситуация в субъекте.

Результаты исследования. При описании результатов мы опустим частотные распределения, не имеющие принципиального значения и известные из ежемесячных отчетов МВД РФ. Сосредоточимся на выводах описательного, корреляционного, кластерного и регрессионного анализов. Описательный анализ свидетельствует: аномия, измеряемая вычислением среднего числа индикаторов криминальной аномии по федеральным округам, присуща в первую очередь восточным регионам страны (табл.).

Самый неблагополучный по общему числу преступлений, убийствам, кражам и самоубийствам – Сибирский федеральный округ. Дальневосточный округ входит в тройку по всем показателям, кроме преступлений мигрантов и процента бедных. В целом, востоку страны присущи патологически высокая безработица, алкоголизация населения, распад семей, сложная экологическая ситуация и рост бедности. Северо-Кавказский округ наиболее благополучен во всех отношениях, кроме экономических правонарушений и доли бедных, при этом округ имеет самое низкое значение безработицы. Видимо, аномия в этом округе сдерживается традиционным образом жизни с высокой ролью религии. Общая тенденция такова: чем дальше от Москвы, тем хуже ситуация с преступностью, хотя Северо-Западный округ представляет собой исключение. Тревожный факт: наиболее аномичными оказались Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, совокупно составляющие 66% территории страны.

Корреляционный анализ позволил сделать ряд выводов:

– преступления в целом, убийства и кражи растут при увеличении числа безработных (коэффициент корреляции Пирсона составляет соответственно 0,836; 0,805; 0,731, уровень значимости $p > 0,01$ во всех случаях), алкоголезависимых (0,674, $p > 0,01$) и наркоманов (0,327, $p > 0,01$), а также разведенных (0,470, $p > 0,01$), но немного сокращаются при благоприятной экологической ситуации ($-0,232$, $p > 0,05$);

Таблица

Распределение аномических явлений по федеральным округам, 2014–2017
(число на 100 тыс. населения)

Индикатор	Федеральный округ							
	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДвФО
Общее число преступлений	1290,9	1747,1	1287,4	709,1	1357,9	1791,7	2175,2	1974,9
Убийства	6	9	5,7	4,2	6,9	9,6	15,3	15,3
Кражи	537,9	697,2	486,5	173	493,3	630,2	927,8	759
Суициды	14,9	21,4	11,3	4,5	20,7	21,3	28,4	25,2
Экономические преступления	62,6	76,5	72,2	80,5	63,2	69,3	64,2	75,8
Преступления в состоянии наркотического опьянения	12,8	13,1	12,2	9,2	13,8	27,5	18,9	17,5
Преступления в состоянии алкогольного опьянения	209,3	323,9	176,1	66,4	280,6	349,9	486,4	418,9
Преступления мигрантов	33,3	27,5	32,5	9,8	12,4	31,2	14,1	20,1
Разводы	445,5	505,6	411,6	224,5	405,6	515,3	444,3	550,1
Процент бедных	11,4	13,8	16,7	19,9	14,9	13,1	20,5	15,4
Безработные	385,2	467,1	430,8	321,4	421,7	486,2	728,6	621,8
Рейтинг трезвости	35,1	37,9	30,3	19,8	36	35,9	37,9	41,4
Социально-экологический индекс	65,4	63,3	58,9	60,1	64,1	59,2	60,3	51,8

– преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, имеют ярко выраженный отпечаток социального неравенства: безработица (0,222, $p > 0,05$), увеличение коэффициента Джини (0,245, $p > 0,05$) и децильного коэффициента дифференциации (0,259, $p > 0,05$) дифференциации немного повышают этот специфический тип преступности;

– суициды значимо положительно связаны со всеми аномичными явлениями, что позволяет интерпретировать их как универсальный показатель аномии, при этом есть слабая отрицательная связь с благоприятным экологическим состоянием региона (–0,236, $p > 0,05$);

– благоприятная экология отрицательно связана со всеми видами преступлений и самоубийствами (т.е. теоретически уменьшает их), а также сокращает прирост бедных и безработных;

– численность полицейских положительно коррелирует с убийствами (0,423, $p > 0,01$), экономическими преступлениями (0,416, $p > 0,01$) и преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения (0,359, $p > 0,01$). Поэтому нет оснований считать, что высокая численность стражей правопорядка уменьшает преступность, максимум – сокращает темпы ее прироста;

– разведенные в целом склонны к разным видам преступлений, а также к алкоголизации (0,564, $p > 0,01$), суицидам (0,233, $p > 0,05$) и безработице (0,267, $p > 0,05$);

– бедность положительно коррелирует с убийствами (0,423, $p > 0,05$) и преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения (0,296, $p > 0,05$);

– безработица – один из ключевых стимуляторов роста всех изучаемых форм преступности, алкоголизма, бедности, самоубийств и разводов. Отметим, что чем более экологически безопасен регион проживания, тем ниже безработица (–0,258, $p > 0,05$);

– повышенное потребление алкоголя приводит к росту общего числа преступлений (0,674, $p > 0,01$), убийств (0,510, $p > 0,01$), краж (0,636, $p > 0,01$) и суицидов (0,588, $p > 0,01$), а также связано с разводами (0,564, $p > 0,01$), безработицей (0,486, $p > 0,01$) и проживанием в городах (0,457, $p > 0,01$).

Хотя корреляционный анализ предоставил немало интересных данных, сами по себе коэффициенты корреляции не могут быть убедительным доказательством причинно-следственных зависимостей. В выявлении факторов преступности способен помочь регрессионный анализ, однако его реализация имеет фундаментальную сложность. Вряд ли можно говорить о наличии единых для всей территории страны факторов преступности или, по крайней мере, влияние факторов будет различным по силе в отличающихся друг от друга регионах. Для выявления «родственных» субъектов и их классификации перед регрессионным анализом необходимо сделать кластерный анализ. Вначале проводился иерархический кластерный анализ по методу Уорда с квадратичной евклидовой метрикой, затем выбранное решение проверялось итеративным кластерным анализом (по методу k -средних), достижение 2/3 совпадений состава кластеров говорило об устойчивости кластеризации. По итогам проведения анализа была отобрана шестикластерная модель, надежность кластерного решения составляет 69,4% совпадений.

К первому кластеру принадлежат 30 регионов: Алтайский край, Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Иркутская область, Калининградская область, Камчатский край, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Красноярский край, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Свердловская область, Тверская область, Томская область, Удмуртская Республика, Хабаровский край, Челябинская область.

Этот кластер назван *кластером роста аномии*. Лишь шесть регионов имеют показатель ниже 1545,3 преступлений на 100 тыс. жителей (средний показатель по стране). Уровень убийств выше среднего почти на единицу – в лидерах Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область. Показатели краж и преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, значительно превышают средний уровень по стране, рейтингу трезвости

свойственны высокие показатели, говорящие о распространенности алкоголизации населения. Достаточно часто совершаются самоубийства – на 4,8 больше, чем в среднем по России. В регионах кластера не вполне благоприятны экологическая ситуация, средний процент бедных, также данный кластер – третий среди всех по уровню безработицы. Одна из главных патологий – большое число разводов (на 46,6 больше, чем в среднем по стране). Мурманская область показывает самый высокий в стране показатель разводов – 960,1 на 100 тыс. жителей, что объясняется ранним возрастом вступления в брак. В регионах этого кластера совершается 41,4% от всех преступлений в России за 2014–2017 гг. В целом, здесь происходит медленный и верный рост криминальной аномии.

Второй кластер включает восемь регионов – Амурскую область, Еврейскую автономную область, Забайкальский край, Курганскую область, Республику Алтай, Республику Бурятия, Республику Тыва, Республику Хакасия. Он может быть назван «патологическим» или «кризисным». Социально-криминологическую ситуацию во всех регионах можно охарактеризовать как крайне печальную. Общее число преступлений превосходит средний уровень по России в 1,6 раза, убийств – в 2,2 раза, краж – в 1,7 раз, преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, – в 1,9 раза, преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, – в 1,8 раза, самоубийств – в 2 раза, число безработных – в 1,7 раза, показатели алкоголизации и бедности на 5 и 7,6% соответственно выше, чем в среднем по стране.

В число убийств особенно велик «вклад» Республики Тыва, где уровень убийств в 4 раза превосходит среднее число насильственных смертей по стране. В субъектах этого кластера плохая экологическая ситуация, косвенно стимулирующая преступность. Эти регионы нуждаются в срочной социально-экономической помощи, реализации целевых программ, направленных на борьбу с безработицей, асоциальным поведением, пропаганду здорового образа жизни. Хотя число сотрудников полиции на 64,5 человека превосходит средний уровень по стране, это не оказывает серьезного позитивного эффекта на сокращение преступности.

Третий кластер объединяет 36 регионов: Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Волгоградская область, Воронежская область, г. Севастополь, Ивановская область, Калужская область, Краснодарский край, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Московская область, Нижегородская область, Новгородская область, Орловская область, Пензенская область, Республика Адыгея, Республика Крым, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан, Ростовская область, Рязанская область, Самарская область, Саратовская область, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тульская область, Тюменская область, Ульяновская область, Ханты-Мансийский АО, Чувашская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Ярославская область.

В этом кластере лишь Новгородская, Тюменская и Калужская области, а также Ямало-Ненецкий АО имеют показатель свыше 1545,3 преступлений на 100 тысяч жителей, т.е. общее число преступлений ниже среднего по стране. Здесь редки убийства, кражи (исключение – Новгородская, Тюменская и Калужская области), преступления в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Зато довольно много мигрантов, нарушающих общественный порядок (особенно страдают от этого Севастополь, Крым, Новгород, Смоленск, Калуга, Ямало-Ненецкий АО и Московская область). У жителей субъектов этого кластера редко возникает желание свести счеты с жизнью, хотя это не относится к представителям Новгородской и Пензенской областей и Республики Марий Эл.

Здесь намного меньше экологических проблем, а Тамбовская и Орловская области и Чувашия входят в тройку лидеров России по социально-экологическому индексу. В материальном отношении это достаточно благополучный кластер, здесь неплохая ситуация с занятостью населения, относительно низкое потребление алкоголя. Кластер с долей условности можно назвать «благополучным». В регионах третьего кластера нужно проводить активную политику по сокращению аномии и предупреждению преступности.

Четвертый кластер назовем «столичным», поскольку представлен двумя городами федерального значения и столицами страны – Москвой и Санкт-Петербургом. Здесь достаточно благополучная ситуация по всем показателям, кроме краж (их число велико в «северной столице»), преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения (2,4 раза выше среднего по России), преступлений мигрантов (2,8 раза).

Пятый кластер включает семь регионов – Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Дагестан, Республику Ингушетия, Республику Калмыкия, Республику Северная Осетия – Алания и Чеченскую Республику. В регионах этого кластера ярко выражена этноконфессиональная специфика, здесь сосредоточено большинство буддистов и мусульман России, что не может не оказывать определяющего влияния на состояние аномии в субъектах. Данный кластер – самый благополучный из всех по индикаторам криминальной аномии. Исключение – показатели экономических преступлений и процент бедных, тем не менее большого влияния на рост преступности они не оказывают. Кластер можно назвать «северо-кавказским».

Последний кластер включает два самых восточных субъекта России – Магаданскую область и Чукотский автономный округ. Его можно охарактеризовать как весьма неблагополучный: общее число преступлений несколько выше среднего по стране, убийств – в 2,3 раза больше, экономических преступлений – в 1,6 раза (самое высокое среднее по кластерам), очень высок уровень преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения – в 2 раза, у жителей Чукотки ослаблено желание жить – 46,2 самоубийств, второй показатель по стране после Республики Алтай. При этом здесь чрезвычайно большое число полицейских на 100 тыс. жителей – 1169,9 в Магаданской области и 1298,6 на Чукотке. Эти цифры заставляют задуматься об эффективности работы полиции в данных субъектах. Здесь самое высокое среднее по разводам (603,8) и рейтингу трезвости (45,9). Этот кластер можно назвать «экстремальным».

Кластерный анализ, во-первых, подтвердил вывод, сформулированный на основе описательного анализа. Самыми благополучными являются Северо-Кавказский, Южный и Центральный федеральные округа, негативные тенденции демонстрируют Северо-Западный и Уральский округа, Сибирь и Дальний Восток погружены в состояние глубокой криминальной аномии. Во-вторых, при помощи кластерного анализа составлена типология регионов России по индикаторам криминальной аномии. Она может быть использована при проведении социально-экономической политики и борьбе с преступностью в субъектах страны.

Получив результаты кластерного анализа, можно перейти к выявлению собственно факторов преступности с помощью регрессионного анализа. Нас интересуют факторы общего числа преступлений. Однако регрессионный анализ представляет собой оценку, т.е. не может полностью объяснить все факторы преступлений, а способен выявить только наиболее существенные. Для его проведения используется метод наименьших квадратов с пошаговым включением всех предикторов (независимых переменных), оценкой доверительного интервала и вычислением статистики Дарбина–Уотсона для проверки на автокоррелированность. Регрессионный анализ проводится по кластерам, так как различия между субъектами по криминальным проявлениям достаточно существенны и пренебречь ими нельзя.

Модель, полученная для первого кластера, объясняет 79% дисперсии, критерий Дарбина–Уотсона говорит о небольшой положительной автокорреляции (1,8), t -статистики значимы (они не лежат в промежутке от $-2,067$ до $2,067$) и их p -уровень выше 0,05, F -статистика Фишера также значима (18,1), 95% доверительный интервал для бета-коэффициентов не включает ноль. Остатки распределены нормально. Таким образом, модель может быть признана удачной.

Отбрана модель с пятью объясняющими переменными: число безработных; процент городского населения; рейтинг трезвости; преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения; социально-экологический индекс. Коэффициенты регрессии свидетельствуют: самое большое влияние на рост преступности оказывают алкоголизация населения, концентрация населения в городе и наркомания. Экологическое

состояние региона существенно влияет на состояние преступности, что косвенно подтверждает теорию разбитых окон.

Второй кластер, названный нами «патологическим», плохо поддается регрессионному анализу. Модель включает один индикатор «разводы», имеет отрицательную автокорреляцию (2,5), незначимую *F*-статистику (6,9), только 53% объясненной дисперсии. На наш взгляд, противоречивость данных анализа объясняется сложностью социально-экономической и культурной ситуации в субъектах второго кластера, нелинейностью факторов преступности, наличием множества трудноразрешимых проблем в общественной жизни каждого региона. По всей видимости, каждый субъект второго кластера нуждается в собственной политике противодействия криминальной аномии.

Регрессионный анализ факторов преступлений в третьем кластере позволил выявить два фактора – преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, и преступления мигрантов. Модель объясняет 52% дисперсии (R^2), но увеличение этого показателя может произойти только за счет потери качества модели. Таким образом, в регионах третьего кластера преступность в большей мере прогрессирует под воздействием притока мигрантов и алкоголизации населения.

Регрессионные модели были получены только для трех первых кластеров, для остальных кластеров его реализация невозможна в силу недостаточности числа наблюдений. Тем не менее для большинства регионов страны факторы преступности были определены и потому проведенный анализ можно считать успешным.

Заключение. В свете полученных данных сформулировано несколько наиболее существенных выводов.

1. Благоприятное экологическое состояние региона снижает уровень преступлений, неблагоприятное – повышает. Высокие значения социально-экологического индекса отрицательно коррелируют со всеми видами преступлений и самоубийствами, а также сокращают прирост бедных и безработных. Поэтому необходимо усилить заботу об окружающей среде как природной, так и антропогенной, с целью предотвращения криминальной аномии и повышения качества и уровня жизни. Регрессионный анализ показал факт значимого влияния экологической ситуации на рост преступности. Эти выводы могут быть весомым подкреплением теории разбитых окон.

2. Необходимо проводить грамотную политику по укреплению семей, повышению уровня жизни, пропаганде здорового образа жизни, созданию рабочих мест для специалистов квалифицированного труда. При этом безработица – один из ключевых стимуляторов роста всех форм преступности, алкоголизма, бедности, самоубийств и разводов, т.е. начинать превенцию преступности лучше именно с создания рабочих мест.

3. Самоубийства являются ярким индикатором аномии, неблагополучия региона. Хотя они не вызываются криминальными причинами, они ярко свидетельствуют о серьезных проблемах в общественной жизни, индивидуальном и коллективном сознании жителей какого-либо субъекта.

4. Преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения, показывают тенденцию к росту в аспекте своей тяжести и распространяются по новым регионам страны. Хотя федеральная статистика говорит о снижении числа таких преступлений, нет причины для оптимизма: этот спад, по всей видимости, только временный и существенным его никак не назовешь, острота проблемы никуда не девается. В этой связи необходимо вести активную борьбу не только с наркоманией и наркопреступностью, но и с образом жизни, способствующим «подсаживанию на иглу».

5. Высокая численность полицейских не сокращает преступность в России. Примером являются субъекты второго и шестого кластеров, имеющие высокое число полицейских на 100 тыс. жителей и при этом – показатели преступности, в особенности убийств, существенно выше среднего по стране. Сама по себе численность полиции не является гарантией качества ее работы. Поэтому необходимо инвестировать средства в обучение сотрудников органов внутренних дел, повышение их профессионального уровня и технико-технологическое обеспечение деятельности полиции и правоохранительной системы в целом.

6. Приток мигрантов увеличивает число преступлений, но это справедливо только для экономически развитых регионов: Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Крым и др. Для других субъектов федерации эта проблема не столь выражена.

7. Восточным регионам страны свойственны более высокие показатели преступности и аномии. Описательный и кластерный анализ показали: Сибирский и Дальневосточный федеральный округа погружены в состояние глубокой криминальной аномии, отражающей общие социально-экономические, политические и культурные проблемы развития. Преступления, убийства, кражи, самоубийства, безработица, алкоголизм и разводы за Уралом встречаются гораздо чаще, чем на европейской территории страны.

Подтверждается общая гипотеза, что преступность стимулирует социальные патологии. Следовательно, допустимо говорить о существовании аномической преступности или криминальной аномии как особой форме преступности, широко распространенной в современной России. Исследование также показало, что органы внутренних дел должны шире использовать возможности статистического анализа данных для изучения, прогнозирования и предупреждения преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Готчина Л.В. Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 767–775. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).767-775. [Gotchina L.V. (2017) *Criminological Characteristics of Russian Drug-related Crimes: Structure, Dynamics and Forecast. Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. No. 11: 767–775. (In Russ.)]
- Мертон П. Социальная теория и социальная структура. М.: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. [Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: KHRANITEL'. (In Russ.)]
- Agnew R. (1992) Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency. *Criminology*. Vol. 30. No. 1: 47–87. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x.
- Baumer E.P., Gustafson R. (2007) Social Organization and Instrumental Crime: Assessing the Empirical Validity of Classical and Contemporary Anomie Theories. *Criminology*. No. 45: 617–663. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2007.00090.x.
- Becker G. (1968) Crime and Punishment: An Economic Approach. *Journal of Political Economy*. No. 76: 169–217. <https://doi.org/10.1086/259394>.
- Bjarnason Th. (1998) Parents, Religion and Perceived Social Coherence: A Durkheimian Framework of Adolescent Anomie. *Journal for the Scientific Study of Religion*. No. 37: 742–754. DOI: 10.2307/1388154.
- Bjerregaard B., Cochran J.K. (2008) Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie. *International Journal of Conflict and Violence*. Vol. 2: 189–190. DOI: 10.1177/0306624X10396071.
- Cao L. (2007) Returning to Normality: Anomie and Crime in China. *International Journal of Comparative Criminology*. No. 51: 40–51. DOI: 10.1177/0306624X06294427.
- Cao L., Zhao R., Ren L., Zhao J. (2010) Social Support and Anomie A Multilevel Analysis of Anomie in Europe and North America. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. No. 54. No. 4: 625–639. DOI: 10.1177/0306624X09334218.
- Dolliver D. (2015) Cultural and Institutional Adaptation and Change in Europe: A Test of Institutional Anomie Theory Using Time Series. *British Journal of Criminology*. No. 55: 754–755. DOI: 10.1093/bjc/azu092.
- Durkheim E. (1897) *Le Suicide: Étude de sociologie*. Paris, Félix Alcan.
- Eide E., Rubin P.H., Shepherd J.M. (2006) Economics of Crime, Foundations and Trends. *Microeconomics*. Vol. 2. No. 3: 205–279. DOI: 10.1561/07000000014.
- Jensen G. (2002) Institutional Anomie and Societal Variations in Crime: A Critical Appraisal. *International Journal of Sociology and Social Policy*. No. 22: 45–74. DOI: 10.1108/01443330210790094.
- Kelling G.L., Wilson J.Q. (1982) Broken Windows. The Police and Neighborhood Safety. *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1982/03/broken-windows/304465/> (accessed 12.07.18).
- Lee G.R. (1974) Marriage and Anomie: A Causal Argument. *Journal of Marriage and the Family*. No. 35: 523–532. DOI: 10.2307/350723.
- Levitt S. (1997) Using Electoral Cycles in Police Hiring to Estimate the Effect of Police on Crime. *American Economic Review*. No. 81(3): 270–290. DOI: 10.3386/w4991.

Markowitz S. (2000) Criminal Violence and Alcohol Beverage Control: Evidence from an International Study. *NBER Working Paper*. 2000. No. 7481. DOI: 10.3386/w7481.

Ryan J. (1981) Marital Status, Happiness, and Anomia. *Journal of Marriage and the Family*. No. 43: 643–649. DOI: 10.2307/351765.

Статья поступила: 14.08.18. Принята к публикации: 17.09.18.

CRIMINAL ANOMIE AS A SOCIAL PROBLEM

KUZMENKOV V.A.

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov

Vladimir A. KUZMENKOV, Cand. Sci. (Philos.), lecturer of the social and philosophical disciplines chair, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia (vakuzmenkov@gmail.com).

Abstract. The article is devoted to the «criminal anomie» conceptualization. Anomic crime is widespread in modern Russia. In Western sociology the anomical premise of crime has long been studied. The author describes a number of conditions that facilitate the growth or reduction of crimes in order to determine which social preconditions have the greatest impact on the growth of illegal behavior. To verify these conditions, he refers to the analysis of official statistics on crime, divorce, suicide, poverty, etc. for each region of the country. Descriptive statistics made it possible to show that Russia is characterized by high rates of anomie. Anomie in the Siberian and Far Eastern Federal Districts is much higher than in the European territory of the country. Correlation analysis indicates the growth of crime in the spread of unemployment, divorce, as well as alcoholism and drug addiction of the population. Crime reduces with favorable environmental conditions. The high number of policemen does not reduce crime. Cluster analysis allowed to obtain typology of subjects of the country in terms of indicators of anomic crime. Six clusters are distinguished: the first (30 regions) is characterized by anomie growth, the second (8 regions) is characterized by the highest anomia indicators, the third (36 subjects) is relatively prosperous, the fourth (2 subjects) includes Moscow and St. Petersburg, the fifth (7 regions) embraces republics of the North Caucasus, the sixth (2 subjects) includes unfavorable the Magadan and Chukotka Regions. Cluster analysis showed that one cannot talk about common factors of crime in different regions of the country. To identify the criminogenic factors, a regression analysis was carried out, revealing a number of factors of anomic crime: an increase in the number of unemployed; urbanization; alcoholization of the population; the spread of drug addiction; degradation of the ecological situation; inflow of migrants.

Keywords: anomie, cluster analysis, drugs, police, crime, regression analysis, suicide, statistics, murder.

Received: 14.08.18. Accepted: 17.09.18.